

Одноклассники

Повесть

1

— И Я ТАКОЙ СМОТРЕЛ, смотрел, а потом говорю — девушка, а давайте на сто баксов поспорим, что вы со мной за двести переспите? Она вытаращилась, блин, коза. А я ей — чего рот открыла, считаешь, сколько заработаешь?! Ну, ты чего, не слушаешь?!

— Слушаю... На дорогу смотри.

— Да хрен бы с ней. Такая коза, весь вечер испортила. Прикинь, стакан на меня опрокинула, орать начала — я охрану позову.

— Позвала?

— Ну, да... Они меня чуть не выперли. Я им — руки убрали, мудаки, я трезвый, и за вход бабки заплачены. Туда знаешь, сколько вход стоит?

— Ну, догадываюсь.

— Ее, говорю, лучше успокойте. Брюки мне испортила и орет... Я ее пальцем не тронул.

— Понятно. Ты Калмановичу звонил?

— Да, на десять договорился.

— Хорошо, успеем.

— Ни фиги не хорошо. Куда ты прешься, мудила!

Справа попыталась вклиниться Тойота, но Леха, конечно, не пустил. Большая Якиманка, понедельник, утро. Пробка до самого Крымского вала. Первые дни зимы, а столько снега. И все вьюжит, вьюжит. Печка работает на полную, иначе от влажности запотеют окна. Тянет в сон. Хорошо, что поехал с Лехой. Пешком просто влом. А машину Ира попросила оставить, куда-то собралась везти после школы Мишку. Сквозь дремоту слышал, как Леха всю дорогу ругался, сначала на баб, потом на погоду и мудаков с баранками. Наконец, показались здания возле метро, и мы подрулили к офису. Леху я оставил парковаться, а сам поднялся в кабинет.

Поставил кофе, пусть пока стынет. Открываю почту. Как обычно, мешок писем. Калманович — «подтверждаю встречу», Леха — «вот это прикольчик», секретарь Юлия — «бланк для оформления кредитной карты». Так, понятно. А это что, с «Одноклассников»? Сто лет там не был. Какая-то Морозова предлагает дружить. Не знаю такой. Наверно, разводка. Ладно, посмотрим... Так... О-па! Это ж Дашка. Ну, правильно, фамилию поменяла, сколько лет-то прошло. Одиннадцатый класс... Так... Дружить, конечно, и что-нибудь типа:

«Привет, очень рад видеть»))) молодец, что проявилась. Классно выглядишь. Как сама, чем занимаешься? У меня — нормуль. Сын растет,

уже семь лет. Так вот, быстро время бежит. Пиши, а хочешь — звони, 891671087...»

Сворачиваем, а это что?.. Ох, ни фиги ж себе. Она, вообще, чем думает? Набираю, не подходит. Спит еще, наверное. Наконец, слышу:

— Ал-ле?!

— Привет, Ир!

— Привееет, ты чего?

Зеваает, точно, разбудил.

— Это ты чего? Что за порнуха на «Одноклассниках»?

— В смысле?

— В смысле — кто тебя в таком виде фоткал?

— Так, Алена. А что, нормальные фотки. Красивые.

— Да, еще статус поставь — предлагаю досуг.

— Чего ты завелся, не понимаю. Я ж там не голая.

— Ир, это бред. Убери их немедленно.

— Так, не ори на меня... Тебе вообще ничего не нравится.

— Да, мне не нравится, что моя жена выкладывает в сеть фото в нижнем белье!

— Да пошел ты...

И трубку повесила.

Хорошо день начался. А через пятнадцать минут совещание.

Пришел первый, свет включил в переговорной. Сижу, жду. Вот, Леха появился, плюхается рядом.

— Блин, фигово запарковался.

— Все равно скоро обедать, переставишь.

Оживился.

— А давай прямо после этого и поедим, а?

— А работать кто будет?

— Кто дурак, тот и будет.

— Ладно, посмотрим.

Калманович и Кочетов опаздывают. Леха мечется по переговорной. Я шарюсь по «Одноклассникам». Все равно делать больше нечего.

— Ну, где они, а? Договорились же на десять. Блин, есть охота.

— Не мелькай, а?

Плюхается рядом.

— О, это Дашка? Тоже недавно френдил.

Смотрим фотографии.

— Хорошо выглядит, а?

— Неа, фигово.

Морщится и опять бегаёт по кабинету.

— Ну, где эти уроды?

Леха тот еще кадр. Мелкий, метр шестьдесят. Худющий, и мордаха, как у тринадцатилетнего пацана. Глазки голубые навывкате, блондинчик такой. А творит иногда... В четверг прошлый на встречу едем, на метро решили, чтоб без пробок. Вытаращился в вагоне на какую-то готку. А та с

парнем. Лехе на это по фигу. Пялится на ее чулки в сетку и мне кивает, типа, во, гляди. А гот серьезный такой. И ботинки у него тяжелые, с металлическими бляхами. Я их сразу возле Лехиной физиономии представил. Отодвинулся, в другую сторону отвернулся. Ну, надо же кому-то на встречу успеть. Однако ж ничего, они через одну вышли, на него даже не взглянули. Мне иногда кажется, что его не бьют только потому, что за подростка принимают. А он, между прочим, мой ровесник.

— Чего пялишься?

— Да вот думаю, били тебя когда-нибудь или нет?

— В смысле, не понял?..

Но тут появляется Калманович, наш директор по продажам. С каждым годом его фигура становится все более круглой, а характер — все более энергичным. С ним Никита Кочетов — долговязый молчаливый парень, руководитель отдела разработки и тестирования программного обеспечения. Калманович сразу к делу, как будто никто не опаздывал. Он всегда такой, принципиальный.

— Вадим, я надеюсь, вы с Алексеем ознакомились с письмом Бикбулатова. Проблемы, о которых он пишет, мы должны в самое ближайшее время решить...

— Да, я отписал Никите...

Смотрю на Кочетова. Тот кивает. Продолжаю.

— Собственно, особых проблем нет. На тестировании в сентябре недочетов выявлено не было...

Никита опять кивает. Рапортую дальше:

— Но выявление мелких недоработок в начале эксплуатации системы — нормальное явление. Наш контракт с «Астрель» предусматривает их ликвидацию и техническую поддержку сети до мая следующего года. Они могут продлить контракт, если захотят... Помимо этого у них есть ряд пожеланий к корпоративному порталу — хотят добавить несколько сервисов...

Калманович кивает, но не слушает. Он и так это знает. Зачем вообще влез. Сами бы все решили.

— Так вот, Вадим, что я от вас хочу...

Как мысли читает, собака.

— Я хочу, чтобы ты съездил в Астану, и там, на месте, пообщался с Бикбулатовым. Расспроси, какие еще есть проблемы, как работает новая сеть сотрудникам. Ну, и вообще, довольны ли. Ненавязчиво так, аккуратно. У меня есть информация, что Минздрав Казахстана в январе—феврале объявит конкурс на создание своей информационной сети. Шансы у нас прилич-

ные. Но желательнее было бы узнать подробности заранее. Надо попробовать пообщаться с кем-нибудь из представителей Минздрава. Выяснить, какие требования, что хотят. Как конкурсы проводят... Можно попытаться откат толкнуть... С финансированием там все хорошо будет, сам понимаешь.

Понимаю, как младенцу объясняет.

— А банк «Астрель» тут причем?

— У «Астрели» договор на обслуживание с Минздравом. Бикбулатов, как вице-президент, вполне может знать нужных нам людей. Надо, чтобы ты на своем уровне с ним поговорил. Идеально было бы, если бы нас порекомендовали. Что-нибудь вроде крупная российская компания с большим опытом работы на казахстанском рынке...

Про рынок — это правда. Только там и работаем. До «Астрели» их Министерство по налогообложению было, разрабатывали им внутреннюю систему документооборота, до этого портал электронного правительства делали, там, собственно, еще не все закончено. И еще...

Калманович продолжает пережевывать:

— Сейчас в компании сложная финансовая ситуация. Нам этот конкурс жизненно необходимо взять...

А бывает когда-нибудь простая финансовая ситуация?

— Саш, я все понял. Скажи только, ты нас с Лешей туда двоих заслать хочешь?

— Это вы сами решайте.

— У меня сейчас два проекта — сайт для «Тройки» и система документооборота для «Автокит».

Леха молчит. Тоже дел до черта, наверно. А может, просто ехать не хочет.

— Вот и решите.

— Ладно, решим.

2

— **НУ, ВСЕ**, поехали. Сил моих больше нету.

— Поехали.

Что-то мне тоже кушать захотелось.

— В Макдональдс?

— Валяй, вези!

Едем. На дороге уже свободнее. Леха все молчит.

— Ты лучше скажи, в Астану поедешь?

— Не-а!

— Здесь дела?

— Не, просто не хочу. Мне прошлого раза хватило.

— Проблемы были?

— Да они, блин, на меня смотрели, как на придурка. Пытаюсь что-то спросить или объяснить, ну, по делам там... Главное, нормально все объясняю, подробно, чтобы поняли. А они все равно чуть ли не в лицо ржут... Кони узкоглазые... А этот их деловой центр вообще финиш.

— А в центре что было?

— Да, пипец полный. Снаружи — красота. Внутри вроде тоже — стекло, металл, все дела. Хай-тек гребаный. Ну, пописать мне приспичило. Мечусь-мечусь, где тут у вас? А они все загадочно молчат и улыбаются. Коридоров полно, все двери одинаковые, табличек на них нет. Построили-то недавно, повесить типа не успели. Лифты, лестницы кругом. А туалетов нет. Потом выяснилось, что они где-то на задворках и еще не работают. И все сотрудники во главе с директором за этим делом бегали в соседнее кафе через дорогу. Нормально, да?

— Да уж... А когда я летал, все нормально было.

— Так это через два месяца.

На самом деле Леха ленится. Не любит он все эти договоры, переговоры. Его из-за внешности не воспринимают всерьез. Ну, как можно говорить о делах с человеком, который смотрит снизу вверх, хлопает голубыми глазками и говорит фальцетом. Раз пошли с ним на переговоры к руководителям «Тройки». Он вырядился в костюм. Сидит, довольный. А я не могу, ржу в кулак. Ну, чисто школьник на линейке. Я ведь его с первого класса помню. Вместе в школе учились. Университеты, правда, разные заканчивали. Но потом опять пересеклись.

В кармане звякнул телефон. От Даши что-то пришло.

«Приветик! Спасибо за комплименты. Прямо краснею и смущаюсь. У меня тоже все хорошо. Дочке уже девять. Да, время очень быстро бежит. Пиши, если что звони. Телефон...»

Ну, понятно.

— Слушай, Лех, а ты говоришь, с Дашкой общался?

— Ну, да, списывались пару раз. Она про антивирус спрашивала, хотела Касперского поставить. Я отговорил. Лажа этот Касперский...

— И как она?

— Нормально. Работает где-то, чуть ли не в школе. Дочка уже большая.

— Понятно... А муж кто?

— А мужа нету.

И ржет, глупо так.

— Нету — это как?

— Развелись, вроде. А может, просто ушел. Не знаю... Тебе не все равно?

— Раньше вроде хорошо общались, помнишь?

— Так это когда было...

— Давно. Надо бы встретиться.

— Это без меня. Мне только бывших одно-классниц не хватало.

— Как хочешь.

Наконец, приехали. Пока выбрал, пока принесли. Смотрю, Леха уже за столиком сидит. Гамбургерами обложился, наворачивает. Сажусь рядом.

— Тащусь я с тебя, Леха.

— Это почему?

— Лопаешь все подряд, а все равно как глиста.

Обиделся.

— Не глиста, а стройный. У меня обмен веществ хороший. И, между прочим, веду здоровый образ жизни — не пью, не курю, с девочками общаюсь и работаю без напряжения. О, гляди, какие пошли...

Вытаращился на школьниц.

— Подвозил тут недавно одну. Зацепил на остановке. Зайчик такой, стоит, мерзнет. Куда вас, говорю, барышня доставить. Им всегда нравится, когда барышня. Мне на Ярославский. А это по пробкам часа полтора. Всю дорогу ей парил про свою стереосистему, ну, ты знаешь, я новую в машину поставил. И смартфон показывал. Она сидит, пальчиками тычет, при-ико-льно, при-ико-льно, а мне вот мама такой не купит. Они всегда так смешно говорят — па-па, ма-ма. Маленькие совсем...

— Педофил ты...

— Сам козел... А хорошенькая — глазищи намазанные и попка кругленькая. Замерзла, пока на морозе торчала, куртка короткая, нос красный, я, говорит, в ко-олледже учусь...

— Ну, и что?

— Да ничего. Не дала, даже номерочек не оставила. Как приехали — прыг из машины и привет. Шустрые они, молодые...

— Да, ты совсем на школьниц перешел.

— А зачем старше? Дальше они только грузят. Ты Наташу помнишь?

— Помню.

— Прелесть была девочка. А теперь — все, хана. У нее теперь времени не-ету, потому что уче-еба, институт, а там проблемы. Ей теперь заниматься надо. Умная стала. Спрашивает, как у тебя дела, что на работе делаешь. А мне ее проблемы на хер не нужны. И про свои рассказывать не хочется. Нужно-то от нее — пятнадцать минут потрястись, и все, чтоб как укол в мозг. Раз — и отключился. Для этого высшее образование не нужно.

— Слушай, а ты с ровесницами не пробовал общаться?

— Не, с ровесницами не могу. Баба — это три мешка проблем и никакого удовольствия. А если еще старая и страшная, это вообще труба. У меня соседка есть, в ней килограмм сто, не меньше. А туда же — женщина. Я вообще не понимаю, зачем такие живут.

— А куда же их?

— В утиль. Пятнадцать-шестнадцать — это предел.

— Точно, мудака. Тебе лечиться надо. Кого в утиль — маму твою или мою жену, или вот, Дашу, к примеру?

— Ну, чего ты орешь. Я же абстрактно рассуждаю, не конкретно. Понимаешь? Только твоя тебя грузит, это видно. Ты замороженный, а я нет.

— Женишься — таким же будешь.

— Вот уж нет, если и женюсь, то моя крысена будет сидеть в наручниках у батареи. И отпустить ее буду только по праздникам.

— Это ты сейчас так думаешь.

— А я и не женюсь, мне ни на хрена.

— А как же дети, семья?

— А зачем — дети. Чтоб вот такой, как ты говоришь, мудака вырост?

— Ты отдельный случай, тяжелый.

— Вот уж нет. Про баб — это все так думают, просто даже себе не признаются. Иначе как жить с тем, что имеешь. А если все так думают, то почему мудака только я?

Спорить с ним бесполезно. Но он все-таки забавные вещи говорит. Я иногда специально что-нибудь такое спрашиваю, просто чтобы послушать, что скажет. Ирка бесится, когда он у нас в гостях бывает. Потом пристает ко мне: «Как ты можешь общаться с таким придурком?». Да нормально общаюсь, просто не слушаю половину того, что говорит. А вторую половину не воспринимаю серьезно. Но Ирка, конечно, не понимает. Да, и многие не понимают.

Из Макдональдса вернулись через час, и дальше день прошел как обычно. Калманович строчил длинные письма в Астану и ставил меня в копию. Секретарь заказывала билет и номер в гостинице. Я лазил по сети, смотрел, куда можно в Астане сводить Бикбулатова поужинать. Леха присылал фотки голых баб с какого-то сайта приколов. Ему явно нечего было делать.

3

ДОМОЙ ВЕРНУЛСЯ не поздно.

Ира, судя по звукам, кашеварила на кухне. И с кем-то разговаривала.

— Аа, ясненько. А мы-то думали... Да, где все-гда... Нет, ничего особенного. Выпили с девчонками по коктейльчику и разошлись. Ну, да... Да, что-то грустно... На море хочется. Так по солнцу соскучилась, просто ужас... Мой то? Да работает все время. Ага, спрошу обязательно. Ладно, Катюш, давай. Он как раз домой пришел. Кормить надо. Не грусти, все наладится. Целую. Пока!

— Привет. Есть будешь?

— Привет, буду. А Миха где?

— Ну, где еще, в приставку режется. Миша, оторвись, папа пришел!

— Привет!

Выскочил в коридор и тут же обратно.

Помыл руки, захожу к нему.

— Ну, здорово, герой! Что это у тебя?

— Третий уровень уже!

— А уроки сделал?

— Нам пока не задают!

И дальше молотит. Сижу рядом, соображаю, надо ли сказать, чтоб заканчивал. Поздно уже, да и вредны эти стрелялки на ночь. Пока решал, заглянула Ира.

— Ты есть идешь или как?

— Сейчас иду.

Макаронны и котлеты.

— Ир, а он уроки делает?

— Так не задают же еще, первый класс.

— Понятно. Слушай, может, ограничить его с этой стрелялкой?

— Нормально! Ты ж ее сам и купил ему.

— Ну, может, не надо так много и на ночь?

— Вот иди и ему скажи, что не надо!

— Ладно, скажу. Как у вас дела-то?

— Хорошо, к зубному съездили. А вечером с девчонками в кафе потусила недолго. Ну, типа встреча одноклассников. Такие все ста-арые, стра-ашные стали, просто ужас.

— Прямо с Михой ходила?

— Нет, он у меня дома остался. Такой молодец, совсем не боится.

— Понятно... А я в Казахстан в пятницу лечу.

— В Казахстан? А чего ты раньше не сказал?

— Сегодня решили.

— Слу-ушай, Вадимка. А давай ты в Казахстан, а мы с Мишуткой в Египет на недельку, а?

— А при чем тут Казахстан? Вы и так можете съездить.

— Ну, чтоб тебе тут одному скучно не было. А так — тебя все равно не будет. Так на море хочется, а?

— Да езжайте, не вопрос. Только со школой как?

— Да чего там школа, справку возьмем. Ему Египет полезнее будет, хоть на солнышке погреться.

— Ну, как хотите...

— Вот и ладушки.

Повеселела, целует.

— Вкусно все было?

— Да, спасибо. Миха, хорош зомбей мочить, пошли купаться!

— Идууу-у!

— Привет, Юляш! Как дела?.. А мы в Египет с Мишкой собрались, так по солнышку соскучились...

4

Я ЖИВУ на улице Генерала Ермолова, рядом с Парком Победы. Когда без машины, люблю сюда завернуть, прогуляться — вечером, после работы, или с утра ненадолго. Леха говорит, правильно, пешком ходить для здоровья полезно. О здоровье я не думаю. Просто люблю иногда взять пивка, хот-дог, тут хот-доги вкусные, и посидеть на лавочке за зданием музея, на одной из аллей. Но это редко, когда время есть. Обычно просто прохожу по Аллее Победы и поднимаюсь по ступенькам к памятнику и стеле. Люблю тут немного постоять, посмотреть на наш вечно строящийся город, особенно вечером. На юго-западе четко видно здание МГУ на Воробьевых горах, красиво подсвечено, как дворец из какой-нибудь сказки. Западнее него жилой комплекс «Золотые ключи», тоже подсветка шикарная, понятно, батуринский проект. Там еще развязка рядом отличная. А на юге торчит унылый одинокий долгострой — «Улитка» с Мосфильмовской. Огромная, без единого огня, возвышается она над городом и напоминает — кто не делится, тот не достроит. На северо-востоке — небоскребы Москва-Сити, похожие на башни-близнецы.

Иногда мы ходим сюда с Михой — до стелы, и дальше, к музею. Он всегда останавливается перед памятником посмотреть на отрубленную голову дракона. Стела ему неинтересна. К Вечному огню тоже подходим, его год назад сюда перенесли, когда на Красной площади что-то ремонтировали, а потом здесь тоже решили оставить.

В самом музее несколько раз были. Когда первый раз пошли, он даже оробел. Еще бы, такое пространство огромное. А первый зал вообще — цепи наверху, слезы блестят. Он сразу:

— Что это?

Я-то знаю, что слезы. Но решил объяснить проще, мне кажется, он для подробностей маленький.

— Это — память о войне. Помнишь, я рассказывал?

Кивает. Показывает на скульптуру:

— Это — тоже память?

Он вообще сообразительный.

— Да, музей построили, чтобы люди помнили, что была война.

Молчит. Но видно, что интересно. Наверх смотрит, еще бы, захватывает. Он потом этот зал так и называл: «зал с цепями».

Диорамы ему тоже понравились, долго возле каждой стояли. Я пытался объяснить, что тут происходит. Хорошо, что возле каждой табличка была. С историей у меня еще в школе плохо было. В общих чертах, конечно, рассказал, как наши воевали, про Сталинград, про блокаду Ленинграда, про Курскую битву, потом — как Берлин брали. Миха, правда, не очень-то слушал. Может, я рассказывал плохо, а может, просто далеко все это от него. Он такой, спросит что-нибудь, послушает, что скажешь, и молчит долго. А потом что-нибудь выдаст — офигеешь. Ира говорит, воображение развитое. Наверно.

Больше всего ему орудия понравились — пушки, пулеметы. Обмундирование, картины он не смотрел. В зале полководцев тоже не останавливались, сразу пошли в Зал славы. Стояли, смотрели на скульптуру и красную звезду под куполом. Про плиты на стенах он спрашивал. Я сказал, что это имена Героев войны. Он кивнул — а, герои.

Потом, когда еще сюда ходили, я уже ничего не рассказывал. Просто подходили, смотрели оружие, фигурки солдат. И он меня на улицу уводил.

Обычно мы за здание музея ходим, в парк. На аллее рядом с Минским шоссе несколько танков стоят и самоходка. По ним лазить можно, не то что в музее. Вот тут Миха и отрывается.

Пошли недавно с ним вечером. Темно, народу — никого, тут народу мало бывает. Снег крупный валит. Не мокрый — комками, а сухой, рассыпчатый, как пепел. Миха носится от танка к танку, кричит, я — Бэтмэн, я — Бэтмен, я — Супермен. Я ему говорю, Мих, домой пошли, поздно уже, мама ругаться будет. А он — еще минуточку, ну, еще минуточку. И опять носится, я — Бэтмен, я — Бэтмен! Почти целый час пробегал. Жалко его уводить было. Ирка потом ругалась, что мокрого привел.

5

СЕГОДНЯ НА ПОКЛОНКУ заходить не стал, поехал прямо в офис.

Калмановичавстретил в коридоре, еще до кабинета не успел дойти.

— Седов, здравствуй, а я — к тебе.

— Привет, что стряслось?

— Да ничего такого. Бикбулатов написал, что в понедельник сам в Москву приезжает, по делам.

— Значит, отбой вооруженным силам?

— Да, но программа остается той же, только в Москве. Так даже проще — знаешь, куда его сводить, да и вообще увереннее будешь себя...

— Погоди.

Мы проходили мимо кухни — небольшо- го закутка с кулером, автоматами с кофе и шоколадками, и несколькими столами. Тут с утра был небольшой ажиотаж. Человек пять программеров выстроились перед автоматом с кофе.

— Кофейку?

— Нет, только чай пью.

Я пожал плечами и встал в очередь. Не представляю себе, как можно вообще не пить кофе. Калманович не хотел ничего обсуждать при посторонних, поэтому замолчал. Невыспавшиеся программеры искали по карманам мелочь, совали в автомат мятые бумажки, которые он выдавал обратно. Казалось, это будет продолжаться целую вечность. Сашка еще немного покрутился рядом и исчез, буркнув, что все прилетит в письмо.

Получив, наконец, свой кофе, я направился к Лехе, на второй этаж.

Мне нравится здесь. В смысле, в офисе. Тихо, только голос секретаря с ресепшена: «Соединяю... Соединяю». В коридорах никого, а если и идет кто-нибудь, то совсем неслышно — серый ковролин на полу поглощает все звуки. В свое время специально сделали, чтобы не отвлекать людей от работы. Если заглянуть в любую из комнат, тоже не сразу кого-нибудь увидишь. Невысокие перегородки отделяют друг от друга столы. И тоже тишина. Программисты — народ специфичный, придут часам к одиннадцати, врубят музон в наушниках и сидят так до восьми или девяти, даже обедать иногда забывают. По себе помню. Тоже так сидел, пока не досиделся до руководителя группы, потом отдела и, вот, теперь до сэйл-менеджера. Я иногда вспоминаю то время, когда был обычным программером. Тогда, по крайней мере, было понятно, что от тебя хотят. Пришел на работу, отсидел положенное количество часов, написал, что по графику работ на сегодня запланировано, и все — гуляй. Предельно четкие задачи. Сэйлом сложнее — тут и подход к людям, и ответственность, и умение добиваться целей. Но, главное, не всегда понятно, что делаю и зачем. Нет, в частности-то понятно. В общем бывает сложно

осмыслить. Я и не стал бы в сэйлы перекалифицироваться, Ирка тогда уговаривала, и Калманович тоже. Ты что, это же перспектива, а как же, надо расти. И времени свободного больше, и деньги другие. Да нет, они, конечно, правы. Я тоже так считаю. Просто иногда скучаю по тому времени, когда многих вопросов, которые приходится решать сейчас, не существовало. Вот Леха на такие вещи не заморачивается. Я его взял пару лет назад своим помощником, теперь он сам — сэйл, хотя Калманович, по моему, до сих пор сомневается, стоило ли так рисковать.

Но Леху это не волнует. Захожу к нему — уже на месте. Глаза от монитора поднял, кивнул и обратно уткнулся. Кнопка мыши беспрерывно щелкает. Подхожу ближе, ну, так и есть. Какое-то рубливо. Герой на мониторе, здоровенный детина в доспехах сверху и набедренной повязке снизу, беззвучно и отчаянно размахивает мечом. Мочит шипастую многоголовую тварь. Рядом, в болоте, пузырьки зеленые лопаются. Стою рядом, наблюдаю. Все-таки есть в этих игрушках что-то гипнотическое. Зарубил, наконец. Тут появляется баба, тоже в доспехах и повязке, которые ей малы размера на три, не меньше. Она как бешеная машет топором, нападает на Лехино героя и быстро его мочит. Кровавое пятно на весь экран, заставка с несколькими такими же бабами.

Леха, вздыхая, поворачивается ко мне.

— Жалко их там нельзя...

— Ты бы тогда оттуда не вылезал.

— Это да.

— Я в Казахстан не еду.

— Что так?

— Бикбулатов сам в Москву приезжает. Хочешь, вместе с ним встретимся?

— А мне-то на фиг?

— Возьмешь себе все, что есть по «Астрели», а я в Минздрав влезть попробую.

— Ага, сейчас, разбежался...

— Чудак, для тебя же стараюсь. Там сейчас все налажено, ребята быстро доработают что надо, и будем проект сворачивать. Поддержку они у нас брать не будут, дорого. Своих найдут, казахстанских. Значит, отрапортуешь, что все успешно работает. И премию под это дело получишь.

— Да не хочу я ничего, отстань. Поехали лучше, пожрем что-нибудь.

— Сейчас не могу, дела.

— Ну, и вали тогда...

Черт с ним, пошел к себе. На письма ответил, с Кочетовым созвонился. Смотрю, время уже три. И кушать хочется.

Пишу Лехе в аську.

«Ладно, давай поесть сгоняем»

«Через 15 мин»

Дорубиться хочет. Ладно, зашел пока на «Одноклассники». Онлайн почти никого. А кто у меня тут вообще есть? Ну, школьные друзья, однокурсники, пара родственников, из тех, кто более продвинутый. С работы никого, тут считают, что эта сеть беспонтовая. Вроде того, что каждый дурак может зарегистрироваться. Ну, и все. Ни густо, ни пусто. А конкретнее — семьдесят пять человек в друзьях. Вроде и народ есть, а написать некому. Или даже так — есть кому, но все общение заранее по стандарту расписано. Вот как с Дашей. Как ты? А ты как? У меня сыну уже столько. А я работаю там-то. Ну, пока. Пока. При случае увидимся. Не греет это все. Или просто я такой. Есть же люди, которые здесь просто живут. И удовольствие от этого получают.

Кстати, а фотки она убрала? Нет, конечно. Ну, и черт с ней.

Наконец, явился Леха.

— Только, чур, на тебе поедем!

— Не вопрос.

— И в «Япошу».

— Лучше в «Обжорку», в твоей «Япоше» дороже и глупо.

— На хрен «Обжорку», задолбала. В «Япоше» нормальный бизнес-ланч, как везде. Давай, поехали.

Едем. В этот раз он всю дорогу молчал. Даже странно. Уткнулся в свой смартфон, набирает что-то и улыбается.

Оторвался только, когда официантка меню принесла.

— Во, классно. Мне суп с креветками, лапшу, вот эту, роллы горячие, вот эти, да. И чай с жасмином.

— Мне то же самое.

Девушка кивнула и пошла в сторону кухни. Леха посмотрел вслед, но без интереса.

Народу немного. Тихо играет музыка — под бодрые рок-энд-рольные аккорды японские девочки поют, видимо, о своей японской жизни. На большом экране, прикрепленном на стене, показывают виды — цветущую сакуру, сады камней, маленькие узкие мостики и огромный вулкан Фудзияму.

Леха по таким местам, как эта «Япоша», просто тащится. Сидит довольный.

— Я, — говорит, — вообще японское все люблю — еду, технику, мультики...

Похабненько улыбается официантке, она в это время подошла. Та глаза в пол, тарелки на стол выставляет.

— Музыка у них прикольная, — продолжает.

— Да, ну. Фигня эта их музыка.

— Ну, музыка — не главное. Вот тачки у них классные. У меня друган во Владике был, катался там. Рассказывает: только автомат, по электропакету полный фарш — парковочные камеры, подогрев жопы и все такое. Движок два литра минимум, полный привод — не вопрос. Нашпигованы по самое не балуйся, тока автопилота нет. Все для людей, езды и кайфу. А, главное, стоят копей, если с европейцами сравнивать.

— Да, тачки у них хорошие.

— Не, на самом деле и тачки фигня. Вот у меня мечта есть.

— Какая?

— Трахнуть японку. Тока настоящую, не какую-нибудь там корейнку или вьетнамку. Как ты думаешь, в Москве можно заказать настоящую японскую блядь?

— Не знаю, как-то не задумывался на эту тему.

— А я задумывался. Может и можно, но как проверить, что это точно японка. Подсунут какую-нибудь китайку или еще, блин, кого. А денег сдерут как за японку.

— Почему ты думаешь, что японки дороже стоят?

— Как почему, качество, понимаешь? Фирма! Вроде бы, все то же самое, но — качественное!

— А какая тебе разница, если все то же самое?

— Да говорю же, мечта. Для моего эстетического удовольствия надо, чтобы я точно знал, что это — японка. И все детали у нее должны быть родными, японскими. Понимаешь?

— Нет.

— Ну, прикинь, в Японии высокие технологии ого какие, да? У них там хай-тек. Представляешь, трахну японку и стану как они. Начну придумывать всякие новые штуки. Вдруг это половым путем передается?

— Вряд ли. Хотя... Ты в отпуск в Японию слетай. Там и приобщись, так сказать, к технологиям.

— К узкоглазым? Не, на хрен. Лучше в Грецию.

Я иногда не понимаю, серьезно он или нет. Он, по-моему, и сам этого не знает.

Смс пришло. От Даши. Пишет:

«Привет! Подскажи, пожалуйста, как винд переустановить»

Да уж... В двух словах не объяснишь. Ладно, до офиса потерпит, там разберемся.

Отвечаю.

«Привет, через полчаса тебя наберу»

Леха уже сунул деньги в папку со счетом и натягивает куртку. Кладу свою долю, пересчитываю.

— Подожди, а чаевые?

— Обалдел? Это бизнес-ланч, а не романтический ужин, никаких чаевых. Правильно, девушка?

Это уже официантке, которая подошла. Черт, как же с ним стыдно!

6

О ДАШЕ ВСПОМНИЛ только вечером. Вот, дурак. Человек ждал, наверно.

Где-то тут был ее номер. Ага, вот он.

— Але!

— Простите, я, наверно, не туда попал.

Детский голосок, явно не Дашин.

— Вы, наверно, моей маме звоните?

— Да, наверно. Даше Морозовой.

— Позвоните на городской, 746-52...

— Спасибо!

Набираю.

— Алло!

Вот, это уже она.

— Привет, Дашут! Прости, заматался тут со всем. Зачем переустанавливать хочешь?

— Здравствуй. Очень рада тебя слышать. Представляешь, подцепила какой-то вирус, он мне заблокировал весь экран жуткой картинкой. Работать невозможно. У подружки такое было, говорит, муж систему переустанавливал. Я даже не знаю, с чего начать, может, подскажешь?

Меньше надо, девочки, по порносайтам лазить. Тогда и вирусов не будет.

— Так, ну, переустанавливать только в крайнем случае будем. Вирус можно под ДОСом найти. Ты в ДОСе работать умеешь?

— Не-а.

— Ладно, тогда по-другому попробуем. У тебя есть диск с виндовским дистрибутивом?

— Нет, у меня вообще никаких дисков с программами нет, только дочкины с играми и с музыкой...

— Понятно... Так, еще одна идея. На картинке, которая на мониторе, что написано?

— Ну, тут больше нарисовано, чем написано...

— Что нарисовано, понятно. Написано что?

— Пишут, что для того, чтобы убрать картинку, надо отправить смс на номер три-семь-пять-восемь и получить пароль. Разводят, наверно, да?

— Подожди минуту, загляну на сайт Касперского. Там база с номерами, на которые надо смс отправлять, и готовые пароли для снятия блокировки.

— Ага, жду. Спасибо, Вадим!

— Да не за что пока, я сейчас.

...

— Але, Дашут. Похоже, что вирусняк свеженький. Пароль для него еще не выложили.

— Да... И что теперь делать?..

— Нужен диск с Антивирусом Касперского.

Винд сносить не хочется.

Леха приоткрывает дверь. Делает энергичные жесты рукой — домой едем?

— Даш, если тебе не срочно это, давай позже созвонимся.

— Ладно, извини, что побеспокоила.

— Да несколько не побеспокоила. Я тебя позже наберу. У тебя, кстати, сотовый не поменялся? Я сейчас звонил — дочка трубку взяла.

— Я ей телефон даю, когда она в кружок после школы идет, на всякий случай. Она уже дома.

— Понятно, серьезная она у тебя, как большая разговаривает!

— Есть такое дело!

— Ладно, давай, созвонимся.

— Хорошо, спасибо тебе большое!

— Да пока не за что.

Положил трубку.

Леха в нетерпении прыгает рядом.

— Ну, с кем ты треплешься?

— С Дашей.

— О-па, Даша-даша-даша-даша! Общаешься?

— Да, понемногу...

— Поняаятно.

— Ну, что тебе понятно? Что? Все, поехали... И не пьялся.

Дома первым делом набрал Дашу:

— Слушай, есть идея, как спасти твой комп. Но только если тебе не срочно.

— Да нет, не очень срочно. Я им редко пользуюсь. Больше дочка.

— Понятно. Просто диск с Антивирусом у меня есть, но я смогу только на следующей неделе заехать, в среду—четверг, после работы. Нормально будет?

— Да, конечно. Я вечером почти всегда дома.

— Хорошо, тогда договорились. Ты где сейчас живешь?

— Где и жила, на Братьев Фонченко.

— Тогда тем более.

Время тратить не хочется. Но отказывать неудобно.

— Спасибо тебе огромное. Для меня это такая проблема, я в компах ничего не понимаю.

— Не за что. Созвонимся еще. У тебя, кстати, аськи нет?

— Не-а.

— И аську поставлю.

7

— КАК ЭТО не поедешь?

Сидим, ужинаем. Миха в комнате рубится в приставку, судя по звукам.

— Ну, так, не поеду и все. Человек, который нужен, сам приезжает в Москву в понедельник.

— И что, мне теперь путевку не заказывать?

— Почему? Я же говорю, езжайте с Мишкой, отдыхайте.

— Я просто думала, что ты в Казахстан поедешь. А так... Не знаю. Ты с нами не хочешь?

— Дел много, не могу сейчас.

— У тебя всегда дел много. На семью совсем времени нет. А я такой отель хороший нашла, пять звезд, море рядом. Детям до семи лет полцены. Мишке, правда, уже семь, но оператор обещала, что все устроит. Как ты думаешь, на десять дней взять или на четырнадцать?

— Как сама считаешь нужным.

— На четырнадцать получается дороже на триста долларов. А еще с собой надо взять. Там все включено. Но еще же на сувениры надо, на экскурсии, и вообще... Что-то так давно никуда не ездили.

Вот почему у нее картошка всегда не соленая? Как специально.

— Ну, чего ты молчишь?

— Не знаю, Ир! Реши сама.

— Только орать не надо! Я с тобой нормально разговариваю, советуюсь.

— Я не ору. Просто тебе ехать, ты и решай — куда и насколько!

— Правильно, а тебе все равно, лишь бы свалили, да?

— Ну, что ты говоришь. Сама же хотела поехать.

— Я хотела поехать, потому что думала, что ты в Казахстан поедешь. А так ты с нами поехать не можешь и злишься, что один останешься. Так и знала, что злиться будешь. А я в чем виновата? Бери отпуск и езжай с нами. А орать на меня нечего.

Встала и ушла в комнату. Зато доем спокойно.

Налил чай, пошел к себе. Включил комп. Тут снова Ира.

— Слушай, а почему ты отпуск взять не можешь, у тебя какие-то проблемы, да?

— Нет, Ир, нет проблем. Просто много дел. Из Астаны приедет клиент. Надо с ним вопросы порешать. Потом, может, туда поеду, на месте все посмотрю.

Не люблю с ней про работу разговаривать, все равно ничего не понимает.

— А так нормально все, да? А то сейчас с работой сложно.

— Ты-то откуда знаешь?

— Катюха на днях звонила. Помнишь Гошу, ее мужа? Он уже полгода никуда устроиться не может. Как их инвестиционную компанию разогнали, так и сидит дома. Катюха говорит, надоел совсем.

— А кто он по специальности?

— Экономист. Она, кстати, просила узнать, может у вас место есть.

— Нет, нам такие не нужны.

— Ну, я ей так и сказала, что вряд ли.

— Понятно. Ир, извини, мне тут еще пару писем отправить надо.

— Хорошо. Миша, купаться пойдём!

Спать решил лечь пораньше. Уже улегся, когда вернулась Ира. Выключила большой свет, включила ночник. Подошла к столу, достала книжку. Сейчас будет всякую гадость на ночь читать. Сиреневый халат переливается, волосы черные короткие блестят. Красивая, со свадьбы почти не изменилась. Даже лучше стала, шейпинги разные там, парикмахерские, салоны. Она мне нравилась, даже несмотря на то, что всегда болтала ерунду. Хотя, почему нравилась, и сейчас тоже...

— Ты нас завтра в Мегу отвезешь? Я там кое-что посмотреть хотела.

— Отвезу. А сама почему не хочешь?

— Я по МКАДу сама боюсь.

— До сих пор?

— Ну, и что? Я почитаю немножко, ты не против?.. Ой, ты чего?

— А что такое?

— Слушай, не надо... Ну, не надо... Вадик, блин. Давай завтра.

— Почему не сейчас?

— Я кремом уже намазалась, сейчас вся подушка будет...

— Ир...

— Ну, что?

— Ты не хочешь?

— Давай завтра, ладно?

— Ладно...

...

— Ну, ты чего отвернулся?

— Ничего, сплю.

— Обиделся? Ну, хорошо, давай сейчас.

— Давай лучше спать.

...

— Ты точно не обиделся?

— Нет, я сплю.

— Хорошо. Спокойной ночи.

8

— ОН В 13.30 В ДОМОДЕДОВО прилетает. Ты его встретить, лады? Гостиницу Юля забронировала, она тебе все пришлет на почту. А вечером по Москве покатаешь, ок?

— Ок, покатаю. Все, давай. Пока.

Калманович, конечно, кто же еще. Самый бодрый в понедельник утром. Сегодня что-то совсем тихо у нас, мимо автоматов шел — и там никого. Отсыпаются, что ли. Видимо, у народа выходные прошли интереснее, чем у меня.

Открываю почту. Что тут у нас? И первое же, что вижу — ее день рождения, сегодня. Тринадцатое число, мог бы вспомнить. Набираю Леху:

— Привет, ты где?

— Этажом выше тебя, 305-я комната — для склеротиков.

— Думал, ты спишь еще. Слушай, нужен подарок.

— Кому?

— У Даши сегодня днюха. Я к часу в аэропорт поеду, Бикбулатова встречать. Надо куда-нибудь заскочить подарок посмотреть. Давай со мной? А вечером зайдем поздравить.

— Нет уж, это без меня.

— Как хочешь.

— А ты куда поедешь?

— Не знаю, в Мегу, наверно.

— А, тогда поеду. Но только до Меги.

— А тебе туда зачем?

— Так, прошвырнуться.

— Ага, а Калмановичу скажешь, что со мной за Бикбулатовым ездил?

— Тебе жалко, что ли?

— Да нет, мне как раз по барабану.

— Свиснешь, когда соберешься.

— Ок.

Выбирать подарки я не люблю и не умею. Всегда сложно представить, что хочет другой человек. А тут еще Леха увязался, прикалывается — вон те трусики, нет, лучше вот эти. А может, просто денег дашь? Нет, чтобы дельное посоветовать. Можно, конечно, какой-нибудь ерундой отмазаться — мыльно-пенно-парфюмерной. Но это тоже непросто. Всегда теряюсь, когда перед глазами вырастает огромная витрина с разными тюбиками, банками, бутылками. Ничего сам выбрать не могу. А когда подключаются продавщицы, набегают такая сумма, что просто удивля-

ешься. И дело не в том, что денег жалко, просто не понимаю, почему малюсенькая баночка стоит как сотовый телефон. Кстати, сотовый — это идея.

— Лех, вон Евросеть, пойдём.

— А туда зачем?

— Купим Даше телефон.

— У нее нету что ли?

— Есть, но она его дочке дает, когда та на занятия ходит. Еще один лишним не будет.

— Вот, благодетель, блин. Ну, пошли. Там сейчас народу.

Действительно, полно. С трудом протискиваемся к витрине. Повезло, рядом оказывается консультант в желтой майке. Он что-то увлеченно рассказывает толстушке в дубленке. Совсем ее загрузил. Леха берет его под локоть и разворачивает к нам лицом.

— Так, ее время кончилось. Наша очередь.

— А ты помолчи, всю витрину загородила, — женщина в дубленке что-то хотела возразить.

Густо покраснела. Смотрит беспомощно. Ну, мадам, извините.

— Вот эти покажите, — тыкаю пальцем в модели.

Продавец послушно достает.

Леха выхватывает один и вертит в руках.

— Ха-роо-ший! Во, гляди какой!

— Да, кстати, нормальный.

— Очень популярная модель, — начинает заученным голосом продавец, — тонкая, компактная, разрешение камеры два мегапикселя, аудиоплеер, шестьдесят четыре мегабайта памяти. Обычно для женщин берут. Вам кому?

— Ну, телке, ясен перец! — радуется Леха.

— Есть разные цветовые решения — розовый, бордовый, синий...

— Нет, вот этот давайте, — киваю на тот, что держит Леха.

— Давайте два, — неожиданно говорит он.

— А тебе зачем?

— Да задолбался со своей Нокией, торчит в штанах как геморрой.

— Давайте два, — говорю продавцу.

Он уходит в подсобку, а мы идем к кассе.

На кассе девушка в желтой футболке. Размер четвертый, не меньше. Леха тут же уставился.

— Девушка, а дайте нам... — начинает.

Но тут возвращается парень из подсобки, протягивает ей две коробки. Она начинает распаковывать.

— Гарнитура, зарядное устройство, гарантийный талон...

Кошусь на Леху, тот по-прежнему пялится на грудь, в коробку даже не смотрит.

— Проснись, это — твой.

— Ага, — берет из коробки телефон и опять вертит.

— Ха-роо-ший! Ха-роо-ший! А ты ее — да?

Девушка поднимает на нас глаза и опять опускает. Открывает вторую коробку, молча показывает все то же самое.

— Кого?

— Дашу!

— Нет, просто как другу.

— А, ну-ну, ста-рай-ся, — тянет слова.

Хохочет как гиена.

Выходим, наконец, из Евросети, с двумя желтыми пакетами.

9

— ДА, ВСТРЕТИЛ, ОТВЕЗ, нормально все. Нет, он вечером никуда не поедет... Ну, отказался, говорит, устал. От Астаны восемь часов лететь, конечно, устал. Да, на завтра договорился. Вечером пойдём. Все уже заказал. Саш, какую национальную, он ее у себя обожрется. Нет, я в «Сулико» заказал. Хорошая грузинская кухня. Мы туда Клименко из «Юниум» водили. Да, завтра еще поговорим. Помню, в десять тридцать. Все, давай.

Интересно, Леха домой поехал или к бабе куда-нибудь? Совсем обленился, поганец. Хотя я не лучше. Не на работе, не с семьей, а вот, иду поздравлять Дашу. Даже цветы купил. Из аэропорта позвонил, спрашиваю, когда дома будешь. А она — сегодня целый день, заходи. Главное, так просто говорит — заходи. Как будто только вчера виделась. На самом деле шестнадцать лет не встречались, только сейчас посчитал. Ну, правильно, нам по семнадцать было, когда школу закончили. Быстро все происходит. Казалось, так много было за это время. А в сущности, ничего не поменялось. Я по-прежнему живу на Генерала Ермолова, она, как выяснилось, тоже никуда не уезжала, на улице Братьев Фонченко живет. Это напрямки, через парк к железной дороге. Я даже машину сразу к себе поставил, чтобы не гонять. Тут пешком быстрее. А Ира увидит — и что, я ничего предосудительного не делаю, подумаешь, одноклассницу поздравлю. Вручу, скажу, что от нас с Лехой, и все.

Иду, и как со стороны себя вижу, — без шапки, с цветами, пакет этот хрустит в руке. Чешу через Поклонку. По аллее, мимо храма, по тропинкам. Горят от мороза уши, день ясный такой, и все вокруг видно четко-четко — и стелу, и здание музея, и стройки вдалеке. Иду, и кажется, будто не было этих лет. Как будто ничего не было.

Вот пятиэтажки, здесь она живет. Удивился, когда она сказала, думал, переехала давно. Я и раньше бывал тут нечасто, по дням рождениям только. Но дом и подъезд помню. Захожу. Поднимаюсь на второй этаж. Жму звонок.

Шаги в коридоре, щелкает замок.

— Дашка!

— Ой, Вадик, привет!

Обнимает. Улыбается.

— Слушай, а ты не изменилась совсем!

— Да ладно тебе, изменилась.

Смотрю на нее. Изменилась, на самом деле. Женственнее стала, такая вся... Волосы длинные оставила, хорошо. И халатик... симпатичный.

— Ты проходи. Я думала, это девчонки!

— Гостей ждешь?

— Ну, да! Заходи!

— А из наших кто-нибудь будет?

— Из одноклассников? Да нет, я почти ни с кем не общаюсь. Так, списываюсь иногда. А ты?

— Я тоже. Это тебе, кстати, — протягиваю пакет и цветы.

Смутилась.

— Ну, ты что. Не надо было. Спасибо... Пройди, а то через порог... Неудобно.

— Нет, я не смогу остаться. С компом не решила ничего?

— Нет, ты же сказал...

— Да, давай на неделе заскочу, в пятницу, лады?

— Спасибо. А я тебя не очень напрягаю?..

— Нет, конечно, там дел-то на полчаса... Ладно, я побежал. С днем рождения еще раз!

Обнимаю. Может, поцеловать надо? Нет, лучше не стоит.

Спускаюсь по лестнице. А подъезд все такой же — запах затхлый, лампочки вывернуты. На первом этаже стены в пятнах. Все-таки надо было поцеловать.

Выхожу на улицу, оборачиваюсь. Не знаю, где ее окно. Но сразу вижу. Стоит возле шторы, машет рукой. Улыбается. Машу тоже.

Иду обратно. Ира звонит.

— Привет, ты где?

— По Поклонке немного пройтись решил.

— Мог бы и сына с собой взять.

— В другой раз, уже домой иду.

— Молока и сметаны купи, ладно?

— Хорошо!

Вот, вроде бы, все то же самое, ничего не изменилось. Десять минут назад тут шел. А что-то уже не так. То ли освещение поменялось, то ли ветер задул. Тут часто ветер сильный бывает. В общем, как-то по-другому стало. Грустно, что ли?

Магазин у метро. Возле двери бабка с коробкой для мелочи. Протянул ей десятку. И не потому, что жалко, не успел пожалеть, а просто так. Тут часто стоят — бабки или инвалиды, или еще кто-нибудь. Такой беспредел, никто их не гоняет. С мафией, наверно, все повязаны. Я обычно мимо прохожу, не обращаю внимания. Один раз только запомнил. Осенью цыганка сидела с ребенком. Прямо у выхода из метро. Джип кто-то запарковал на тротуаре, может, хозяин ее. А она возле колеса, на картонке сидит. Ребенка на руках держит. Он маленький совсем, замотан в какие-то тряпки. Несколько дней ее видел. Один раз шел мимо, а ребенок закричал. Я думал, он вообще не живой, кукла. А он закричал, ну, точнее, заплакал. Иду дальше, думаю, ментов, что ли, вызвать. Жалко же ребенка. Но не стал. Наверно, надо было. Больше ее не видел. Может, кто-то другой вызвал.

Почему сейчас вспомнил, не знаю. Интересно, жив ли ребенок. Вряд ли, такому, чтобы выжить, много удачи надо. Больше ничто не поможет.

Купил сметаны, молока. Иду домой. Бабка все стоит. Неужели целый день так, холодно же. Когда тепло, еще ладно. Тут одна весной в переходе стояла, перед Днем Победы. Мы с Лехой как раз из метро выходили, он ко мне ехал. Слышим, орет кто-то, матерится. Я бы мимо прошел, мне по барабану. Леха пристал — давай посмотрим. Ему по кайфу, когда кто-то на улице скандалит. Может сколько угодно стоять и смотреть. Ну, подходим, видим, дед, старый совсем. Морда красная, шапка на затылок съехала. Орет и палкой машет. А у стены бабка. В руках раскрытая коробка, а в ней — медали. И фотография с черной лентой. Муж, наверно.

— Сука, — дед орет, — дрянь поганая, уу-бью!

А она стоит возле стены, на него не смотрит. В коробку вцепилась. А на коробке — «помогите ради Христа», понятно.

Леху оттуда еле увел. Он еще на камеру снимать хотел.

10

— **ТЫ МОЛОКА** купил?

— Привет, купил. И сметаны.

— Я сейчас ужин быстренько. Выйди пока с Мишей.

— Миха! Гулять пойдем?

— Ага! Я сейчас!

Несется из комнаты, на ходу комбинезон натягивает. Не гуляет она с ним, что ли?

Площадка у нас тут хорошая, пару лет назад поставили. Домики всякие, горки, карусели.

Миха сразу к качелям рванул. Долго качался, с удовольствием. Ногами машет, голову назад закидывает. Смеется. Потом на дугу полез. Долез до середины, уселся и смотрит. Я помню, в детстве тоже интересно было залезть куда-нибудь — в теремок деревянный или на такую же вот лестницу-дугу. Сидишь и оттуда на всемотришь. А сейчас, хоть убей, не помню, в чем интерес был.

Он не похож на меня, больше на Иру. Волосы темные, глазенки тоже. И вообще какой-то другой. Мне кажется, я таким не был. Как-то старше выглядит, серьезнее. Ирина его еще так одевает, по-взрослому, — свитера, брюки. Куртку как у меня купила, с мехом. Она, конечно, хотела девчонку. А родился Миха. Второго не хочет, да и я не особенно стремлюсь. Вот на Михе и отрываемся. Покупаем ему все — шмотки, игрушки. Он у нас классный получился. Шустрый, сообразительный. Вырастет, такой парень будет!

Детей кругом полно — и совсем карапузы, и постарше. Рядом мамы. По магазинам сбегали, коляски сумками затарили, и, вот, стоят, чад своих караулят. А те носятся, как угорелые. Носятся, но как-то все поодиночке. Сами по себе. Понятно, пришел на полчаса, с горки скатился, на качелях покачался, и все, пора. Мама подхватывает сумки, побежали дальше.

— Мих, поди сюда.

Бежит.

— Чего, домой уже?

— Нет. А почему ты с ребятами не играешь?

— Ну, знакомых сейчас нет.

— А давай познакомимся. Вон, смотри, на качелях симпатичная девочка.

И мама тоже ничего.

Насупился.

— Не хочу.

— Тогда я сам.

Подходим.

— Привет! Тебя как зовут?

— На-адя! — смотрит удивленно то на меня, то на маму.

Мама улыбается.

— А меня — Вадим. А это мой сын, Миша.

Хотите вместе поиграть?

— Ну, не знаю, а во что?

Не уверена, по голосу чувствуется. Мама начинает спасать положение.

— Хочет, конечно. Бери Мишу, и идите, вон на тех качелях покатайтесь.

Переглянулись и двинули в сторону качелей. Она постарше и ростом повыше. Пытается взять его за руку, как же, мама велела. А он отодвигается, не хочет.

— А меня Света зовут!

— Очень приятно. Вадим.

— Вы сюда часто ходите?

— Да, он тут часто гуляет. Обычно с мамой, со мной реже. Мы в этом доме живем.

— Понятно, а мы в том, дальнем.

Молчим. Смотрим на детей. Надя сосредоточенно раскачивает колесо. Миха вцепился в поручни.

— Я тут посмотрел на детей на площадке...

Оборачивается ко мне.

— Вам не кажется, что они... одинокие какие-то...

— В смысле?

— Играют каждый сам по себе. Не вместе.

Хмурит брови, сосредоточенно оглядывает площадку.

— Да, в детстве всегда так. Туда побежал. Сюда побежал. Так и играют, это нормально. И потом, они же в школу ходят. Там общаются.

— Да? А вы думаете, там не то же самое?

— Не знаю, — жмет плечами.

Зря я этот разговор начал. А как у меня в детстве было? Вроде, весело. Хотя, опять же, не помню.

Надя и Миха возвращаются порознь. Надя сразу бежит к прежним качелям, а Миха — ко мне.

— Ну, что, домой?

Кивает.

— До свидания, — говорю Свете.

Надя машет рукой. А Миха уже бежит к подъезду.

— Счастливо, увидимся.

Догоняю Миху.

11

— **НУ, КАК, ПОУЖИНАЛ** своего турзы-мурзы?

В Лехе проснулось адское любопытство. Весь день пропал где-то, говорит, на встрече. Приперся под вечер ко мне в кабинет, уселся на стол и давай в бумагах рыться. Есть у него такая нервная привычка — брать со стола все подряд и вертеть в руках. Повертит-покрутит и положит куда-нибудь. Только, конечно, не на место. Ругаться бесполезно, на пять минут перестанет, а потом снова. Начал расспрашивать, сначала — как с Дашей пообщался, теперь про Бикбултова.

— Да, поужинал.

— Ну, и как он?

— Поужинался нормально, а помогать нам не хочет.

— Почему?

— Говорит, не в его компетенции.

— А Калманович что?

— Калманович не сдастся. Ты же его знаешь.

Говорит, надо на него еще надавить, пока в Москве. Поговорить, ну, откат там или технические услуги в подарок от фирмы. В крайнем случае, пригласить мексиканский оркестр и организовать у гостиницы круглосуточные серенады.

— Ты, а ты солировать будешь!

— А как же, обязательно. Тулуп куплю по теплее, и вперед. Положи ручку на место... А если серьезно, еще можно попытаться его раскрутить. Не получится — поеду в Астану, там буду другие выходы на Минздрав искать. А ты документы к конкурсу подготовишь.

— Что-то ты кислый сегодня.

— Не кислый, просто, если честно, все равно, что будет с этим Бикбулатовым и с конкурсом. Надо — поеду. И серенаду спою, и станцюю. Могу даже стриптиз показать. Только наплевать все равно.

— Что, работа больше не возбуждает?

— А тебя?

— Да мне-то всегда пополам было, это для тебя работа — самое, блядь, в жизни главное. Ни бабы, ни бабки не нужны, лишь бы работа была. Ты, по-моему, с нее просто кончаешь.

— Дурак ты, ничего не кончаю. Просто мне работать нравится. Это, кстати, нормально.

— Неа, не нормально. Нормально — жрать, пить, трахаться. Вот это — нормально. А работать надо по минимуму.

— Слушай, спорить не буду. Если хочешь свою концепцию изложить — давай вкратце, а пока я собираться буду, сегодня пораньше уйти хотел.

— Куда?

Про концепцию уже забыл.

— Даше с компом помочь обещал, она вирус подцепила.

— Вот, это правильно. Нормальная баба, как раз по тебе.

— Дурак ты, и мысли у тебя дурацкие.

— Давай-давай, смотри только с вирусами аккуратнее...

— Пошел ты! Вали вообще отсюда.

Еле выпроводил. Так достает иногда, врезать хочется. Кстати, правда, собираться пора, шестой час.

Собрался, на улицу вышел. Темно уже. Ну, ничего. Там максимум на час работы. С Михой еще погулять успею. Леха озабоченный. Это просто болезнь у него. Везде пошлость увидит. А главное, с ним свяжешься, и у самого такие мысли появляются. На самом деле в гости к

женщине, тем более к однокласснице, еще не значит — секс. Я про это и не думал. Ну, точнее, думал, конечно. Но так, абстрактно. Никогда не стал бы вот так пришел — и давай. А если правда, сейчас приду, а она скажет — ...Нет, не буду. Тем более после Лехиных слов. Это вообще значит до его уровня опуститься. Разрулю все спокойно. Трипак уберу, и домой.

12

— ПОНИМАЕШЬ, ТЫ МНЕ ЕЩЕ в школе нравился. Но тогда я стеснялась, а теперь...

— А теперь — не стесняешься... Даш, ну ты чего, я шучу!

Обидеться хотела. Смеется, плюхается с размаху рядом.

— Теперь уже стесняться поздно. Ты такой красивый, — гладит по голове, — совсем не изменился.

— Это ты — красивая. Не возражаешь, если я покурю.

— А ты разве куришь?

— Нет вообще-то. Но у тебя там, на столике, пачка.

— Это мои. Кури на здоровье.

Да уж, на здоровье. Достая сигарету, зажигалку. Отхожу к окну. Почему-то говорить ни о чем не хочется. А ее просто прорывает на воспоминания. Уселась на кровати, простыней обмоталась, и давай:

— А помнишь, как мы с тобой и с Лехой Канопкиным в кино поехали, и Леха без билета прошел? Его потом контролер по всему залу искал. А темно, фильм уже идет. Так и не нашел. И мы про него почти забыли, фильм какой-то интересный шел, не помню названия. И тут посреди фильма голова Лехина рядом высовывается. Он ушел, спрашивает. Оказывается, он сзади на полу лежал, под креслами, и фильма не видел...

Она еще что-то рассказывает, почти не слушаю. Не хочу слушать. Да, я помню. Но это было как будто в другой жизни. Никакого умиления не вызывает.

— Тебе не интересно?

— Интересно, Даш. Прости, задумался.

— О чем?

— В Казахстан, наверно, придется ехать, там дела есть. Не поехать не могу, а Леху здесь одного оставлять просто боюсь, он последнее время невменяемый.

— А Леха с тобой работает?

— Да, ты не знала?

Пожимает плечами.

— Нет...

— Давно уже. Мы занимаемся консалтингом — консультируем бизнес, как лучше организовать различные бизнес-процессы в электронном виде. Разрабатываем на заказ сайты, порталы, внутреннее программное обеспечение для компаний.

Молчит.

— Неинтересно?

— Нет, почему, все понятно — вы делаете сайты. Ты еще в школе этим заниматься хотел. Помнишь, чуть с ума от счастья не сошел, когда тебе компьютер купили. Первому, во всем классе...

— Да, было такое... Сейчас кажется, что компьютер и интернет — такие пустяки, везде найти можно. Тогда это было что-то запредельное, космос. А писать программы казалось круче, чем снимать кино. Круче чего угодно — любой другой профессии. Я тогда этим на всю жизнь заболел. Сейчас, правда, все проще, ничего запредельного нет.

— Чем вы сейчас занимаетесь?

— Ну, например, недавно делали портал электронного правительства. Для Казахстана, правда, не для России. Слышала про такое?

— Нет...

— У нас тоже со временем будет.

— И что это?

— Все ведомства, департаменты и прочее интегрируются в единую электронную сеть и объединяются порталом, на который могут заходить пользователи.

— Ну, так это же давно есть. Это где новости можно смотреть, объявления.

— Тут немного другое. Главное назначение такого портала — передача документов в различные ведомства. В налоговую, в автоинспекцию. Тебе надо какие-нибудь документы менять?

— Да, у меня диплом на старую фамилию и ИНН.

— Ну, вот. Когда есть такая система, не надо тащиться в институт или налоговую, достаточно отправить в электронном виде, и тебе пришлют новый документ.

— По почте?

— По электронной почте. А ты распечатаешь.

— А это не будет филькиной грамотой?

— Чтобы это не было, как ты говоришь, филькиной грамотой, надо разрабатывать законодательную базу. Должны быть электронно-цифровые подписи... Если по уму сделать, все будет работать.

Улыбается, не то чтобы недоверчиво. Скорее снисходительно.

— Мне кажется, у нас это еще не скоро будет. Чувствую себя по-дурацки. И зачем начал все это рассказывать.

— Солнышко! Ты чего надулся, я тебя обидела своим невежеством?

Нет, все-таки Дашка классная.

— Нет, что ты. Просто каждый разбирается в чем-то своем, да?

Кивает, улыбается. Косится на часы.

— Скучно со мной, Дашут?

— Нет, просто дочка должна скоро прийти.

— Ну, так что ты молчишь? Мне хотя бы одеться надо. Давай, кстати, посмотрю, что там с компом.

— Да все с ним в порядке.

— Да? Понятно... Тогда я пойду?

— Конечно. Ты заходи еще.

— Да уж зайду обязательно!

Целую ее. Смешно, она так сказала — заходи. Как будто в гости. Хотя это тоже в какой-то мере в гости.

13

ПОТОМ Я БЫЛ У НЕЕ в среду, и пришел опять в пятницу. Марина, ее дочка, в это время уходила на занятия в какие-то кружки.

Мне нравится у нее, можно лежать и ни о чем не думать, ничего не говорить. Мне нравится на нее смотреть. Она такая... естественная, что ли. Нравится ее белая, совсем не загорелая кожа с родинками. И еще, что она не худышка. У нее не западает живот, когда лежит на спине. И все тело ровное, округлое. Видно, что не девочка. На свою тридцатку тянет. Но мне все равно нравится. Она не кричит во время секса, даже стонет редко. Не говорит потом: «Мне было очень хорошо, милый». Вообще, чаще молчит. Но это тоже у нее получается естественно, без напряжения.

А я вот напрягаюсь. Когда не с ней, мысли разные лезут, странные. Недавно подумал, а ведь ей может быть все это неприятно, ну, то, что я ухожу, прихожу. Зачем ей это надо? Цельный день мучился. Вечером спросил, а она как будто не понимает. О чем ты, говорит. Я пытался объяснить, что из семьи уходить не буду. Не так, конечно, напрямую. Сказал, что жену оставить не смогу. А она — и не надо, я же не просила. И тут я все-таки спросил — а зачем тебе? Она смотрит, как на дурака, — мы же получаем удовольствие, да? Да. Вот и давай его получать, раз уж ничего другого не остается. И смеется. В общем, я, правда, как дурак был.

Или тоже... Ну, это вообще стыдно было. Перед тем как к ней пойти, зашел в магазин, наку-

пил еды, вина взял. Неудобно с пустыми руками ходить. А что еще — цветы-духи? Глупо как-то, она же не девочка, и я — не мальчик. Деньги вроде бы неудобно, может, со временем... Ну, вот, притащил все это, она в пакет заглянула и как давай хохотать. Ты меня содер-жать что ли собрался? Да, отвечаю. Она смеяться перестала и серьезно так говорит, не надо. Даш... А она опять — не надо. Ничего не надо. И обнимает.

Кто поймет, что она хочет? Говорит, все хо-рошо. Может, и правда, хорошо. Не знаю. Вооб-ще, я замечал, мне трудно понять другого чело-века. Я просто верю тому, что он говорит. Не пытаюсь отгадать, стоит ли что-то еще за его словами. Если, конечно, дело не касается рабо-ты. Ира меня всегда упрекает — ты нечуткий, ты невнимательный. Не видишь, не замечаешь и так далее. А я считаю так: хочешь что-то — ска-жи об этом. А намекать, делать так, чтобы дога-дывались, слишком сложно. С Дашей все не так, она ни в чем не упрекает. Но все равно поче-му-то чувствуешь себя как на минном поле.

Вот и сейчас, лежит рядом, на боку. Волосы длинные по подушке рассыпались. В комнате полумрак, мы свет не включали, а время к ше-сти. Не вижу ее лица, но чувствую, внимательно смотрит. Смотрит и молчит. О чем она думает?

— О чем задумалась, Дашут?

— У тебя ресницы красивые.

— Это ты в темноте разглядела?

— Да. Они у тебя светлые, днем не так замет-но. А сейчас тени от них длинные-длинные. И глаза сразу огромные, чужие. И красиво, и страшно.

Такого мне никто не говорил. Женщины счи-тают меня красивым, это я знаю. Ира до свадь-бы говорила — лапочка, красавчик. И сейчас видно, что многим нравлюсь. Хотя не понимаю, почему. Специально, чтобы нравиться, я ничего не делаю. До Даши вообще жене не изменял. Как-то в голову не приходило. На женщин вни-мания обращал мало, обычно они сами начина-ли. Вот и Ира тоже. А я не понимаю, неужели это так важно — чтобы волосы были русые, а брови темнее, а глаза серые, ну, и фигура про-порциональная. Неужели этого достаточно, что-бы влюбиться? Глупо как-то, честное слово. Сам я к своей внешности равнодушен, даже не очень ее люблю. Потому что всегда выгляжу одинаково, разница одна — либо отросли воло-сы, либо короткая стрижка.

А Даша — другое дело. Даша — как море, я ее всегда с морем сравниваю. Наверно потому, что она мне непонятна.

— А ты о чем думаешь?

— О тебе, Дашут. О том, что человеку сложно бывает понять другого человека. Мне кажется, это потому, что он по природе своей одинок. Та-кое естественное состояние.

— Нет, не естественное, я не люблю быть одна.

— Не обязательно физически быть одному. Люди, которые находятся рядом с тобой, могут тебя не понимать. Не потому, что они тебя не любят или не хотят понять. Просто они не зна-ют того, что знаешь ты, а ты не всегда можешь им рассказать. Да и не всегда к этому стремишь-ся. Особенно после того, как однажды поймешь, насколько это сложно — объяснить кому-то другому, что ты чувствуешь.

— Да нет, ты усложняешь. Люди могут пре-красно общаться, если заходят. Я, например, всегда рассказываю подругам о своих пробле-мах. И они меня понимают, потому что у них та-кие же проблемы. И почти такие же радости, как у меня. Люди гораздо более одинаковые, чем может показаться. И круг их интересов ограничен. Все думают об одной, ну, максимум, о нескольких вещах.

— Да, и о чем же?

— Дети, деньги, секс. Об этом все думают.

— Да, но, понимаешь ли, думают очень по-разному. Настолько, что их представления об этом могут совершенно не пересекаться.

Смеется.

— Ладно, считай, переспорил. Иди ко мне, не будем одинокими.

Обнимаю ее, глажу по голове. Волосы у нее длинные и кудрявые, вьются мелкими кольца-ми. Никогда не видел, чтобы русые волосы так вились. Ее лицо совсем рядом с моим. У нее крупные черты лица. Не скажу, что красивые, нет. Просто крупные. Зато выразительные, сра-зу заметно, какое у нее сейчас настроение — ра-дуется, или сердится, или чем-то расстроена.

Я не сравниваю Дашу с другими. Мне кажет-ся, что не сравниваю. Ведь сравнивать — это значит хотеть что-то поменять. Различия я ви-жу. У Иры, например, совсем другое лицо — ма-ленькое, с четко очерченными бровями и глаза-ми. Но я давно не смотрю в ее лицо, каким бы красивым оно ни казалось. Я знаю это лицо. Оно похоже на мое тем, что не меняется. В Да-ше я замечаю даже то, что можно было бы на-звать недостатками, несовершенствами. Но все-таки я принимаю ее такой, какой вижу.

Как здорово, что с ней можно вот так ле-жать и молчать. Чувствовать это живое суще-ство, которое просто лежит рядом, и все. Как давно этого не было, и как, оказывается, было нужно.

В тот вечер я долго не мог себя заставить уйти. Она мне немного рассказывала о своей работе. Леха ошибся, она работает не в школе, а консультантом в косметической компании. Два через два. Удобно, от дома недалеко. Все правильно. Есть возможность побыть с дочкой. И вообще, Дашка молодец, не унывает. А главное, ерундой всякой не достает. Она вообще мало говорит, обычно улыбается и слушает.

14

ЕЩЕ ПОЛЧАСА прошло. Читаю старые письма в почте, что-то другое делать лень. Время — после обеда. День как будто замер. Такое состояние, как будто падал, падал и вдруг завис. А вокруг продолжается движение. Только что Юля заходила, секретарь. Дал ей адреса клиентов, которых надо с Новым годом поздравить. Будет открытки рассылать. Знакомый звонил, приглашал с ними в пансионат поехать, там отмечать. Отказался, не хочется. Ира бы расстроилась, если бы узнала, что отказался. Она не любит дома отмечать.

Калманович на целый месяц укатил куда-то с семьей. Он долго рассказывал, куда и почему именно туда, но я не запомнил. Бикбулатов тоже отбыл в Астану. Я после праздников туда лечу. А где будем отмечать — не знаю. Может, пойдем к знакомым, может, Ира кого-нибудь к нам позовет. Первого обязательно с Михой к маме съездим. А третьего они в Египет улетают. Я так и не собрался.

Не могу никак стряхнуть это коматозное состояние. Надо хоть новости посмотреть. Зашел на mail, читаю заголовки: «съели туриста», так и надо, сидите дома; «потепление будет недолгим», ага, но глобальным; «в детском саду мама подралась с воспитательницей», совсем беспредел. «К Земле приближаются гигантские НЛО» — вот, это почитаем. Открываю. «Учеными были зафиксированы несколько гигантских неопознанных объектов, движущихся по направлению к Земле. По предварительным расчетам, они подойдут к Солнечной системе к декабрю 2012 года. Как известно, именно эта дата по календарю майя считается датой конца света...». Даже дату посчитали, молодцы. Пишу Лехе:

«Тебе с японкой поторопиться надо. В 2012 все закончится. Почитай»

«Почитал. И чо, блин?»

«Ничо, прилетят и скажут — ты, Леха, жил неправильно. И вообще, вы все — неправильные формы жизни. Что ты им на это скажешь?».

«Что мой неправильной формы им в рот не влезет»)).».

Леха — оптимист. Меня это всегда радует. Если не думать о том, что он — идиот. Я, правда, не лучше. Привязалась ко мне эта статья. Еще погуглил. Все серьезно. С координатами, комментариями специалистов. Бред, с одной стороны. С другой...

Целый день об этом думал.

Вечером заскочил ненадолго к Даше.

— Привет!

— Привет, проходи!

— Ты одна?

— Да, дочка на занятиях. Мне через час идти встречать.

— Понятно. Успеем?

— Успеем.

Даже перестарались. За пятнадцать минут уложились.

Теперь неловко себя чувствую. Как будто мне только это надо. И сейчас можно встать и уйти. Наверно, Леха со своими девками так и поступает. Смотрю на нее — обиделась, расстроилась? Нет, спокойна, улыбается.

— Чаю хочешь?

— Хочу.

— Пойдем на кухню.

И тоже так спокойно, естественно. Как будто... Нет, не как жена. Просто как близкий человек. Мне даже перестало быть стыдно за свою поспешность.

Пьем чай.

— А что за занятия у Марины?

— Сегодня танцы. А еще она английским занимается. И по выходным в бассейн с ней ходим.

— Вы молодцы.

— Просто я хочу, чтобы у нее все было хорошо.

— Понимаю. А муж помогает? В смысле, воспитывать...

Гвоздей мне под язык, зачем спросил. Но Дашка даже бровью не ведет.

— Нет, у него другая семья. Сын недавно родился. Он к нам не приходит.

— Прости, я бестолковый...

— Нет, все нормально. Мне родители очень помогают, поддерживают.

— Ясно...

— Ты чего загрустил? Все хорошо.

— Да нет, просто подумал, бедные дети. Днем школа, вечером кружки.

— Для них же стараемся...

Молчим.

— О чем задумался, о детях?

— Нет.

— О работе?

— Есть немного...

— Тебе везет, — улыбается, но как-то невесело.

— Почему?

— Ты свою работу любишь.

— Ну, как — люблю. Она меня устраивает.

Она дает мне то, что необходимо в жизни, — финансы, самоуважение и уважение других людей. Когда я работаю, у меня создается впечатление, что я живу правильно, так, как должен... И потом, это еще и идеальный мир.

— В смысле?

— Мы создаем новую реальность — виртуальную.

— Вы делаете то, чего на самом деле нет.

— В каком-то смысле да. Но это тоже реальность. И дальше ее будет только больше. Очень многое можно делать виртуально и сейчас...

Треплюсь, просто треплюсь. Но остановиться не могу. Это искушение для каждого мужчины — обнять свою женщину за плечи, поднять палец вверх, в небо и... как в том мультике: «Любимая, я подарю тебе эту звезду».

— Вот мы делали портал электронного правительства. А это тоже прогресс, люди смогут отправлять документы по сети. Не надо будет стоять в очередях или давать взятки. Это даст возможность экономить время и тратить его по-другому, на то, на что захочется. Если все будет так работать, мир будет лучше.

Усмехается.

— Я знаю, что по-твоему идеальный мир — когда каждый сидит за своим ноутбуком, перебирает пальчиками, это и есть смысл жизни.

— Нет, ты утрируешь. Не смысл. А форма. Смысл может быть любой. Главное, чтобы свободу человека никто не ограничивал. Тогда он сможет создавать то, что хочет. Пойти туда, куда захочет. Я вот на Поклонке иногда работаю, когда лето. Один минус, там вай-фая нет. Вообще, интернет дает неограниченные возможности: можно общаться, работать, получать за это деньги, делать покупки, видеть все новости. Знаешь, есть фанатики, которые просто туда переселяются. Я таких знаю. Заводят виртуальный дом, жену, детей. Ходят на виртуальную работу. Все это сейчас возможно.

Вижу, убедить не удастся. Скептически качает головой.

— Я не понимаю, зачем это надо. И потом, не все можно делать виртуально.

— Ну, ясно, человеческого общения это не заменит...

— Да я не об этом. В твоём виртуальном мире нельзя сходить пописать, нельзя виртуально по-

кушать, нельзя виртуально выспаться. И еще — нельзя виртуально получить удовольствие.

— А...

— А виртуальный секс — это ерунда. Потому что удовольствие все равно получаешь физически. Только если когда-нибудь в будущем нас подключат к твоим дурацким ноутбукам, и мы будем получать удовольствие сразу в мозг, миную все остальное.

Поднимаю руки вверх.

— Убила, зарезала, сожгла. И прах по ветру. Ты права.

— Да, я права. И я опаздываю. Надо идти за дочкой.

— Я с тобой.

— Да нет, не надо. Тебе домой пора.

— Ты не обидишься?

— Нет, солнце, не обижусь.

Она и правда не обижается. Машет рукой, ты заходи. Всегда так говорит.

15

ПЛЕСК ВОДЫ из ванной, Михины взвизгивания. Ирины вопли:

— Миша, так нельзя. Не хулигань...

Тихонько разделся, прошел комнату. Комп включил. Смотрю, Даша в аське. Надо же, я думал, она и включать ее не будет.

Пишу:

«Ал-ле! Ал-ле! Проверка слуха))))))»

«)))))) Слышу вас хорошо. А мы уже вернулись»

«Понятно. У вас все хорошо?»

«Да, отлично все»

«Кстати, забыл сказать. Посмотри новости на мейле»

«А что там?»

«Вторжение внеземных цивилизаций)))))) И очень скоро»

«Ладно, сейчас посмотрю)»

...

«Ну, как?»

«Да, грустно... Детей жалко»

«Прости, расстроил, не хотел этого. Я вообще тебя только огорчаю»

«Нет, ты меня только радуешь»

«Серьезно?»

«Да, ты делишься своими мыслями. Это хорошо, ладно, пойду, у меня еще дела»

«Пока»

Ира заглянула в комнату.

— Тебе Леша звонил. Удивился, что ты не дома.

— А, да... Я прогулялся немного.

— Какой же он жуткий!

— Кто?

— Леша твой, кто же еще! Как ты вообще с ним общаться можешь?

— А что такое?

— Да он маньяк, это сразу видно!

— Ир, в чем дело? Он к тебе приставал? Что-нибудь говорил?

— Нет, сегодня нет.

— А когда?

— Помнишь, ты меня на корпоратив летом водил?

— Ну, помню.

— Когда ты с Калмановичем отошел, он мне такое парить начал...

— Что?

— Сказал, что какие-то британские медики обнаружили, что если женщина сколько то там лет не меняет полового партнера, у нее перестают вырабатываться женские гормоны, и начинают проявляться вторичные мужские половые признаки...

— Какие еще признаки?

— Усы над верхней губой расти начинают, волосы на груди и на спине...

— Ир, он ерунду говорил.

— Знаю, я потом в интернете посмотрела, это полный бред. Но зачем он все это говорил?

— Я тоже его не всегда понимаю.

— Но, тем не менее, он — твой лучший друг. Знаешь, говорят, какие друзья...

— Да, он мой друг. Других нет. Не надо обращать внимание на то, что он говорит. Я скажу, чтобы он к тебе больше не подходил. Ты путевки взяла?

Надо на что-то другое разговор перевести.

— Нет пока. Я теперь даже не знаю, ехать туда или нет. Там какие-то акулы взбесившиеся на людей нападают.

— Возьми в другое место, где нет акул.

— А я в Шарм-эль-Шейх хотела. Катюха была в прошлом году, говорит, там классно. И сервис отличный, и море рядом. И никаких акул не было. А тут — как назло. Не знаю, что теперь делать.

— Ир, а как ты думаешь...

Вот зря я это, точно зря. Но остановиться не могу.

— Как ты думаешь, если на землю инопланетяне высадятся, что будет?

— Ты что, совсем свихнулся?

— Ну, что будет, как ты думаешь?

— Отстань, я не буду говорить про всякую ерунду. Ты просто издеваешься! Такой же идиот, как твой Леха!

— А я хочу, чтобы они прилетели.

— Идиот!

Что с ней говорить. Вышел из комнаты, надо телефон найти, Лехе позвонить. Он у меня, вроде, в куртке был. Шарю по карманам — нет, в сумке тоже. А когда я его... Не помню, с работы, вроде, брал. Правильно, Даше звонил же. Неужели у нее оставил? Черт, ладно, с городского наберу. А как, номера-то не помню. На сайте, наверно, есть. Зашел в комнату, Иры уже нет. К Михе пошла. Точно, есть номер. Набираю.

— Лех, привет!

— Привет! Ты с городского, что ли?

— Да. Чего хотел?

— Чего хочу, правильнее будет. У меня к тебе просьба, ну, преогромная!

— Валяй, проси!

— Я сейчас в Технопарке на Славянском, центр взял офигенный, вообще о-фи-гееенный. Четыре колонки, сабвуфер, и за копые, главное, вообще, за копые. Тут скидки перед праздниками немереные. Но сам отсюда не утащу. Поможешь довести?

— Ты пешком что ли?

— Ну, да.

— А почему так поздно-то?

— Да не поздно, они перед праздниками до двенадцати работают.

— А доставку у них не судьба была взять?

— Ну, какая доставка, с ней еще связываться. Двоим быстро довезем. А? Ну, пожа-алуйста!

— Ты его уже купил, что ли?

— Ну, конечно. Я же говорю, тут народу туча. Оставишь до завтра — уже не будет.

— Ладно, сейчас подъеду.

— Только машину не бери, тут на подъездах пробки огромные, до завтра не выберемся.

— Ты что, хочешь, чтоб я пешком туда перся?

— Слушай, тут на метро одна остановка. Дольше базарим! А? Вадька, ну, я тебя очень прошу. Что я тут с ним один делать буду?

— Ладно, хрен с тобой, сейчас приеду!

— Ты набери меня, когда подъедешь!

— Ок.

Все беды от жадности и от глупости. Леха вот жадный, а я, видимо, глупый. Приехал на Славянский бульвар, выхожу из метро. Хорошо, что магазин рядом. Набираю, мобильник старый взял, который Михе давно отдал.

— Ты где?

— Да я тут, на кассе.

С ним с ума сойдешь, это точно! Он в очереди стоит, еще ничего не покупал. Ну, я же, говорит, не знал, приедешь ты или нет. А вещь хорошая. Во, гляди какой. Ага, отличный центр. Четыре коробки, каждая по 40 см высоты и весят... Зачем ему все это, у него же однушка?

— Тебя, Лех, наверно, соседи не любят.

— Не знаю, они со мной не разговаривают, а что?

— Да так...

Потом еще полчаса ждали, пока все включат и проверят. Леха настоял, он в таких делах дошлый. Говорит, а вдруг — брак. Потом с возвратом возиться. В общем, вышли из магазина в одиннадцатом часу. А народу там меньше не стало. Ненормальные люди, все покупают, покупают. Я, кстати, своим еще ничего на Новый год не брал, думал, путевкой обойдется. Но, видимо, тоже придется что-то придумывать.

До метро еле донесли. Скользко же. В вагон втащили, хорошо, что народу немного. Сели на лавочку. Я еще дух не успел перевести, смотрю, Леха уже кобелирует возле какой-то девахи. Та в книжку уткнулась, на него — ноль внимания.

Глаза закрыл, чтобы не смотреть. Представляю, как с этой музыкой сейчас в маршрутку и до его дома, а потом еще к себе возвращаться.

— Вадь, гляди, — на пять минут в покое не оставит, — порнографию уже в метро читают. И ведь не стесняется нисколько!

Кивает в сторону девахи. Специально так громко сказал, наверно обиделся, что она внимания на него не обратила. Народ вокруг ожил. Конечно, только про это скажи, сразу все головы начнут поворачивать. Ловлю взгляд девушки, удивленный, обиженный. Двинуть ему, что ли?

— Ну, что ты так на меня смотришь, жвачку хочешь?.. Не хочешь — как хочешь.

Набивает рот мятым «Орбитом». Взгляда девушки как будто не замечает.

Сейчас выйдем, и убью его.

«Парк Победы» — почти всегда пустая станция. Мне даже иногда кажется, что по ней ветер гуляет, как по Поклонной горе, и эхо разносится. Выходим. Аккуратно ставлю коробки на пол.

— Ой, пусти, больно. Больно же!

Вышедшие с нами люди шарахаются в стороны.

— Ты что, офанарел!

Пытается вырваться. Прижимаю его к колонне.

— Еще хоть раз ты при мне свои штучки выкинешь, сломаю руку! Понял?!

— А-а, пусти, ну, пусти.

Почти сполз на пол. Всхлипывает. Наверно, в самом деле, больно.

— Понял, спрашиваю?!

— Понял, понял. Руки убери, мудака!

До его дома доехали молча. Поставил коробки перед подъездом, развернулся и ушел.

Ира потом полночи выговаривала, зачем ты с ним связался.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ на работу Леха не пришел. Это было странно, он обычно отходчивый. Не обижается, когда шутят по поводу его интеллекта или девочек. Бесится, только когда начинают прикалывать внешность, то, что рост маленький, и все такое. Терпеть не может, когда его считают слабым. А я вчера его крепко приложил. Теперь злится, понятно. Я и звонить не стал. День был относительно спокойный.

Вечером не пошел к Даше. Решил просто прогуляться. Шел обычной дорогой по аллее в Парке Победы и думал. А что, если действительно вторжение. И представлял себе, как загорается яркий свет. Он подсвечивает облака над парком, как на лазерном шоу ко Дню города. Над Храмом Георгия Победоносца метрах в трехстах от земли нависает огромная серая тарелка, по краям ее светятся маленькие круглые огни. Она появляется внезапно и застывает в воздухе. Ни ветра, как от вертолета, ни гула мотора не слышно. К земле не приближается. Сесть такая может только на стадионе, в Лужниках, например. Внизу мечется толпа. Кто-то бежит отсюда, кто-то наоборот, сломя голову несется сюда. Слышно, как на проспекте воют сирены. Пожарная? Скорая? А потом начинается. Сверху летят камни, как мелкий град. Они лупят по Георгию и его лошади, по нарезанному колбаской дракону, по куполу храма. Дальше падают уже крупные глыбы. Одна ударяет в стену, и та подламывается. Верхняя часть падает на аллею. Некоторые камни падают горящими. От них загораются деревья вокруг храма, елки возле памятников. Народ в панике мечется. Но деться некуда, везде то же самое. А тарелка по-прежнему висит в воздухе.

Вот интересно, куда я тогда побегу? К Ире или к Даше? Дурацкие мысли... Нет, если подумать, побегу, конечно, к Ире. К Михе. В самом деле, дурацкие мысли.

17

— **Я ВСЕ ЗНАЮ**, мы никуда не поедем!

Женщины не умеют сдерживать эмоции. С самого прихода домой я понял, что-то случилось. Ира была на кухне. Когда зашел, не повернулась ко мне, чуть слышно поздоровалась. Почти не разговаривала, только «да» и «нет». Не глядя на меня, разогревала ужин, собирала на стол. Миху отправила в комнату смотреть мультфильмы. Но долго молчать не могла. Я смотрел на нее, спокойно ел и ждал, что будет.

Специально ничего не спрашивал. Даже не старался предположить, что могло произойти.

Закипел чайник, и она, наконец, развернулась ко мне лицом. Губы дрожат, глаза заплаканы. Молчу по-прежнему, сейчас она все скажет сама. И, точно, выдает это:

— Я все знаю, мы никуда не поедим!

— Ир, что случилось?

— Я сегодня списывалась на «Одноклассниках» с Лешей. Знаешь, что он мне сказал?

— Нет, не знаю.

— Он сказал, — всхлипы, опять начинает плакать, — он сказал, что ты хочешь отправить нас в Египет, чтобы освободить квартиру!

— Зачем?

— Он сказал, что у тебя какая-то баба! — Рыдает уже вовсю.

— А какая не сказал?

— Не прикидывайся...

— Да мне самому интересно...

Плачет. Плачет.

— Ир, нет у меня никакой бабы.

— Он сказал, что есть.

— Ир, Леха на меня обиделся. Мы с ним вчера подрались в метро. Вот он и решил...

— Решил рассказать мне правду, да? Из-за чего вы подрались?

— Он неправильно себя повел.

— Из-за бабы, да?

— Да, он приставал к девушке. Мне это не понравилось.

— К какой девушке?

— Просто в вагоне сидела рядом, я ее не знаю.

— Из-за какой-то бабы, которую не знаешь, полез драться? Ты хочешь, чтобы я в это поверила?

— Ир, это правда. Ты сама говорила, Леха — маньяк. Он меня своими выходками достал. Еще центр этот чертов перли. Ну, я и сорвался. Если бы ты спросила, я бы еще вчера тебе рассказал...

— Я тебе не верю.

— Ир, это правда, никакой бабы нет.

— Я не верю.

Ушла в комнату, хлопнула дверью. Все было напрасно, не поверила бы в любом случае. Просто не хотела верить. Лехе поверила сразу, а мне — нет. Может, даже хотела что-то подобное услышать. Рыдать теперь будет. Леха сволочь.

Миха прибежал.

— Пап, там мама плачет...

— Знаю. Сейчас тебя уложим, и я к ней пойду.

— А чего она плачет?

— Не переживай, у взрослых это бывает. Завтра все пройдет.

— Да?

— Да, пойдём.

Идем к нему. Смотрю, как он натягивает пижаму, потом ищет медведя. Он всегда с медведем спит.

— В туалет ходил?

— Да!

— Свет оставить? — Киваю на ночник.

Нельзя приучать спать со светом. Но сегодня можно оставить, вдруг бояться будет. Все-таки мама плачет.

— Не надо.

— Пап!

Я уже уходить собирался. Возвращаюсь, сажусь на постель.

— Что, Мих, почитать?

— Нет. А ты мне робота купишь?

— Какого робота?

— Робота-уборщика, я мультик сейчас смотрел. Его так смешно там звали — Ваа-а-лли.

— А, понятно. Купим, конечно.

— И машину-экскаватор?

— Да, в выходные ходим в Детский мир и купим.

— Там с экскаватором целый набор конструктора, и водитель еще.

— Хорошо, все купим. А сейчас спи.

— Спокойной ночи!

Повернулся на бок, медведя обнял. Я ему иногда завидую, по-хорошему, конечно. Мир прост, проблем мало. Или это так кажется? Жаль, что я почти ничего из своего детства не помню. Когда гостим с Михой у мамы, в Сокольниках, она любит рассказать что-нибудь такое. Сравнивает нас с Михой. А у меня, пожалуй, самое яркое воспоминание из детства — как первого «Терминатора» смотрел, на видике еще, в гостях. Тогда это что-то невероятное было. Потом второго смотрел, уже у себя дома. На следующие не ходил, некогда было. Пожалуй, самый любимый фильм, наверно, потому, что из детства. Мечтал тогда стать как Арни — неуязвимым. Еще из любимых «Киборг-полицейский» был, помню, в лагере смотрел. Люблю иногда посмотреть киношки, где власть над миром пытаются захватить машины. Знаю, что тупые, а все равно люблю. Я что-то задумался. Смотрю, Миха уже спит.

Ира тоже в кровати. Лежит, отвернулась к стене. Лег рядом, даже не пошевелилась. Сначала думал что-то сказать, как-то поговорить. Но сразу уснул.

18

С УТРА ПРИЕХАЛ в офис пораньше. Гляжу, Леха уже в аське. Пишет:

чу, я тоже в потоке, в другом. Ночь почти, а народу на улицах полно. Правду говорят, Москва никогда не спит. Перед метро елку искусственную поставили, давно, еще в ноябре. Возле нее женщины с колясками. Одна в сиреновой куртке и мохнатой шапке. Рядом малыш, нет, малышка, комбинезон розовый. Стоит, держится за мать, смотрит на елку. Так поздно, почему она не спит? Почему я везде вижу детей и женщин?

Вибрация в куртке. Чей это номер?

— Алло!.. Привет, мам!.. Нормально все...

А что случилось? Ничего не слышу, говори громче!.. Ира? Сейчас?.. Да, ничего у нас не происходит. На работе задержался. Не знаю, почему она просила тебя позвонить. Она вообще последнее время неадекватная... Ну, бывает у нее... Да нет, нормально все, я же говорю. Нет, не собираюсь разводиться... Ну, бред она несет, я же говорю. Ну и что, что плачет... Да, я знаю, сколько времени. Прости, что разбудила... Мам, мне сейчас неудобно разговаривать. У нас все нормально, не волнуйся. Завтра позвоню тебе. Пока. Целую.

Вот уже Дашин дом. Вижу свет в ее окнах. Поднимаюсь, жму звонок. Сразу открыла, значит, ждала.

— Привет, ты чего такой встрепанный?

Какая же она все-таки... Жаль, что не могу остаться.

— Да, нормуль все, запарки просто на работе.

— Ясенько... Вот держи, — протягивает аппарат.

— Спасибо. Как у тебя дела?

— Да, хорошо, вроде, — улыбается, жмет плечами.

Вздрагивает, холодно тут. Надо идти, а то совсем ее заморожу.

— Ладненько, я побежал...

— Вадик, точно все в порядке?

— Да, Дашут, позвоню на днях.

— Хорошо, буду ждать.

Слегка обнимаю, вдыхаю знакомый запах.

Спускаюсь по лестнице. Поднимаю голову.

Она стоит на площадке и смотрит.

Все, теперь к Лехе. Но сначала в магазин. Виски какой марки он в это время суток пред-

почитает? Сейчас выясню. А если он, правда, с бабой? Да, по фигу. Оторвутся друг от друга ненадолго. Я, в конце концов, не на всю ночь. По двести пятьдесят долбанем и разбежимся. Просто чтобы отпустило. Где он тут? Вот, Леха К. Набираю.

— Алле!

Женский голос. Женский.

— Даша, — стараюсь говорить спокойно.

— Да, что-то забыл?

Улыбка в голосе. Не поняла.

— Нет... Просто хочу спокойной ночи пожелать.

— И тебе спокойной ночи!

— Хороших снов, Даша.

Отключился. Остановился. Это...

Стою, и мыслей никаких. Как это вообще...

Как это может быть?

Невозможно. Неввероятно.

Еще раз позвонить? Хотя зачем, и так все...

Тяжелой волной накатывает злоба. Бляди.

Убью блядей. Сейчас вернусь и...

Нет, это бред. Так нельзя. Надо успокоиться.

Иду дальше, не глядя куда, на автомате.

Вот, магазин.

Захожу...

— Вы что-то хотели?

Девушка-продавщица приветливо улыбается. Наверно, я долго стоял перед прилавком. Не помню.

— Нет, спасибо... Ничего. А вы так допоздна работаете. Устаете наверно?

— Нет. Я недалеко тут живу.

— Ясно... Спасибо...

Выхожу. Вдыхаю. Выдыхаю.

И что теперь? А теперь — только домой.

Это странно, но я почти успокоился. А ведь все должно было быть по-другому. Я должен бы сейчас кипеть, открывать дверь Дашинной квартиры, бить морду голому Лехе. Под ее крики, под звук работающего телевизора. Потом на лестничной площадке, чтобы соседи липли к глазкам, приоткрывали двери, и гулкое эхо разносилось по этажам.

Я шел и думал, почему так — должно было быть больно. Но — не было.